
Моим родителям, Лил и Карен,
которые никогда не покидали меня.

— Г.Г.

Но разве я просил Тебя, Творец,
Меня из глины сделать человеком?
И лучше бы мне в землю обратиться,
Откуда я рожденье получил!

Потерянный рай

(перевод О. Чюминой)

Handwritten text at the top of the page, partially obscured by the drawing.

Vertical handwritten notes on the left side of the jaw drawing, describing anatomical features.

Vertical handwritten notes on the left side of the jaw drawing, continuing the descriptions.

Handwritten notes in the center of the page, between the jaw and the full skeleton drawings.

Handwritten notes on the left side of the lateral skeleton drawing.

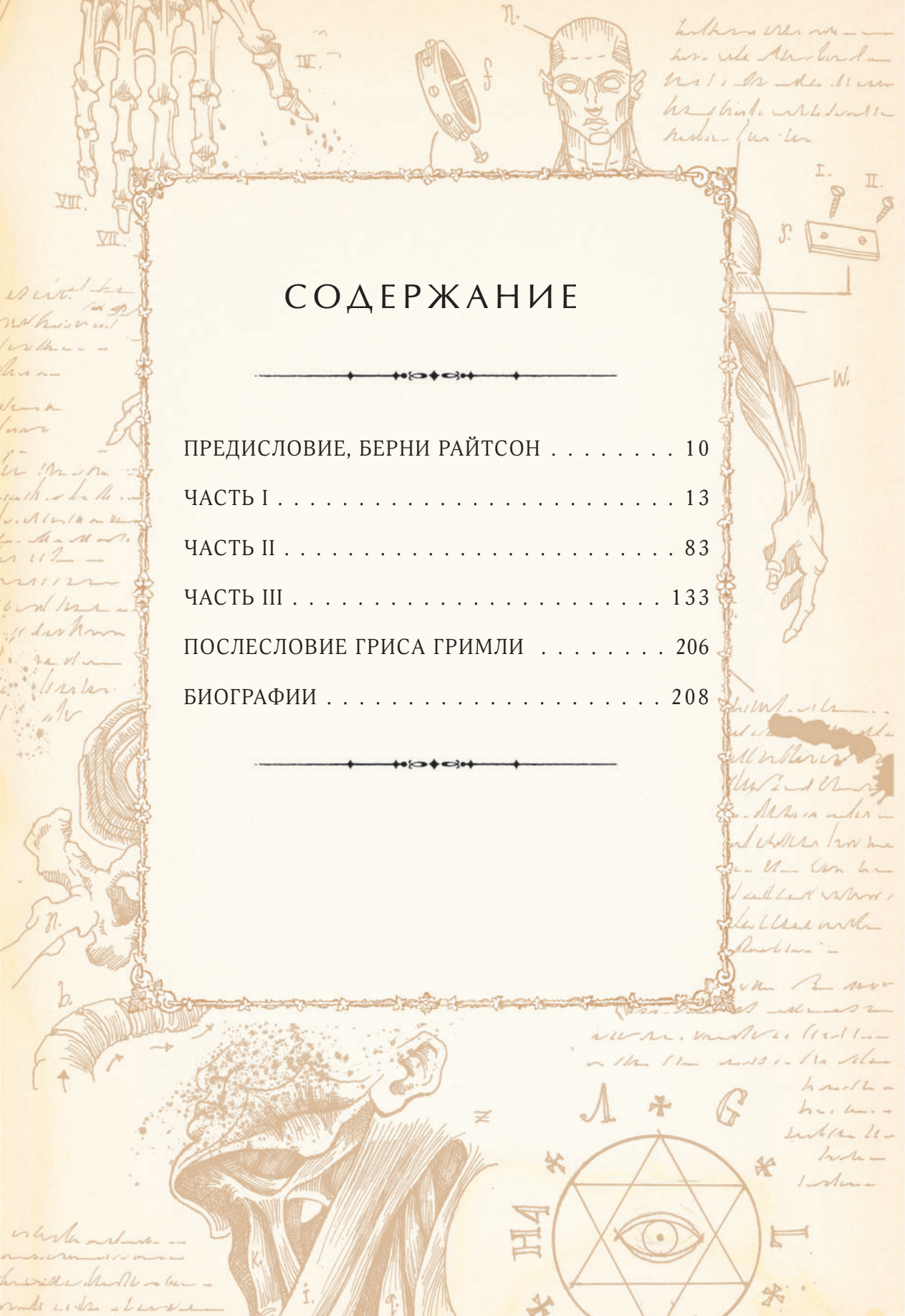
Vertical handwritten notes on the right side of the page, adjacent to the full skeleton drawing.

Handwritten notes at the bottom right of the page, below the lower jaw drawing.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ, БЕРНИ РАЙТСОН	10
ЧАСТЬ I	13
ЧАСТЬ II	83
ЧАСТЬ III	133
ПОСЛЕСЛОВИЕ ГРИСА ГРИМЛИ	206
БИОГРАФИИ	208

ПРЕДИСЛОВИЕ

БЕРНИ РАЙТСОН

Мне было двенадцать или тринадцать, когда я наконец дочитал «Франкенштейна». Две предыдущие попытки осилить роман Мэри Шелли не увенчались успехом. Чтение казалось мне тяжким трудом: мысленно я закатывал рукава и крепко сжимал в руке кирку или лопату.

«Франкенштейн» непросто для восприятия. Как большинство из нас, я составил представление о классическом сюжете по фильмам. И не был готов к витиеватой экстравагантности стиля и глубине выводов Мэри Шелли, которая создала книгу идей, а вовсе не мелодраму (хотя в романе немало мелодраматических эпизодов). «Франкенштейн» кардинально отличался от комиксов или произведений Эдгара Райса Берроуза, к которым я пристрастился в детстве. Тем не менее, перевернув последнюю страницу, я понял, что обрел сокровище.

Я проиллюстрировал роман Мэри Шелли почти 30 лет назад. Ничего особенного. Всего лишь очередная интерпретация; с момента публикации «Франкенштейна» в 1818 году их было очень

много: на сцене, на экране, на бумаге... Я создал свою версию только потому, что любил эту историю. Время шло, и многие говорили, что обратили внимание на роман и прочли его от корки до корки именно благодаря моим рисункам. Что иллюстрации помогли им понять книгу, превратившись в подобие путеводной нити. Я почувствовал, что не просто украсил любимую историю; я создал ворота, через которые в нее могли попасть самые разные читатели. Я был похож на ярмарочного зазывалу, болтовней заманивающего людей в палатку. Но моей палаткой стал гениальный роман Мэри Шелли. Огромная ответственность! Знай я, чем кончится дело, ни за что не ввязался бы в эту авантюру.

Когда я услышал, что Грис иллюстрирует «Франкенштейна», то пришел в восторг. И немного занервничал. Я ничего не сказал Грису, но подумал: «Боже! Надеюсь, он понимает, что делает! Понимает, как это серьезно и ответственно!» Мне не стоило волноваться. Грис все прекрасно понимал.

Мы знакомы лет десять-пятнадцать, и я всегда был фанатом творчества Гримли. Мне нравится все, что он делает: и отдельные рисунки, и иллюстрации к рассказам. Грис отличается удивительной чуткостью, любовью к стилизации и творческим задором. Его произведения говорят с вами. Притягивают. Увлекают за собой.

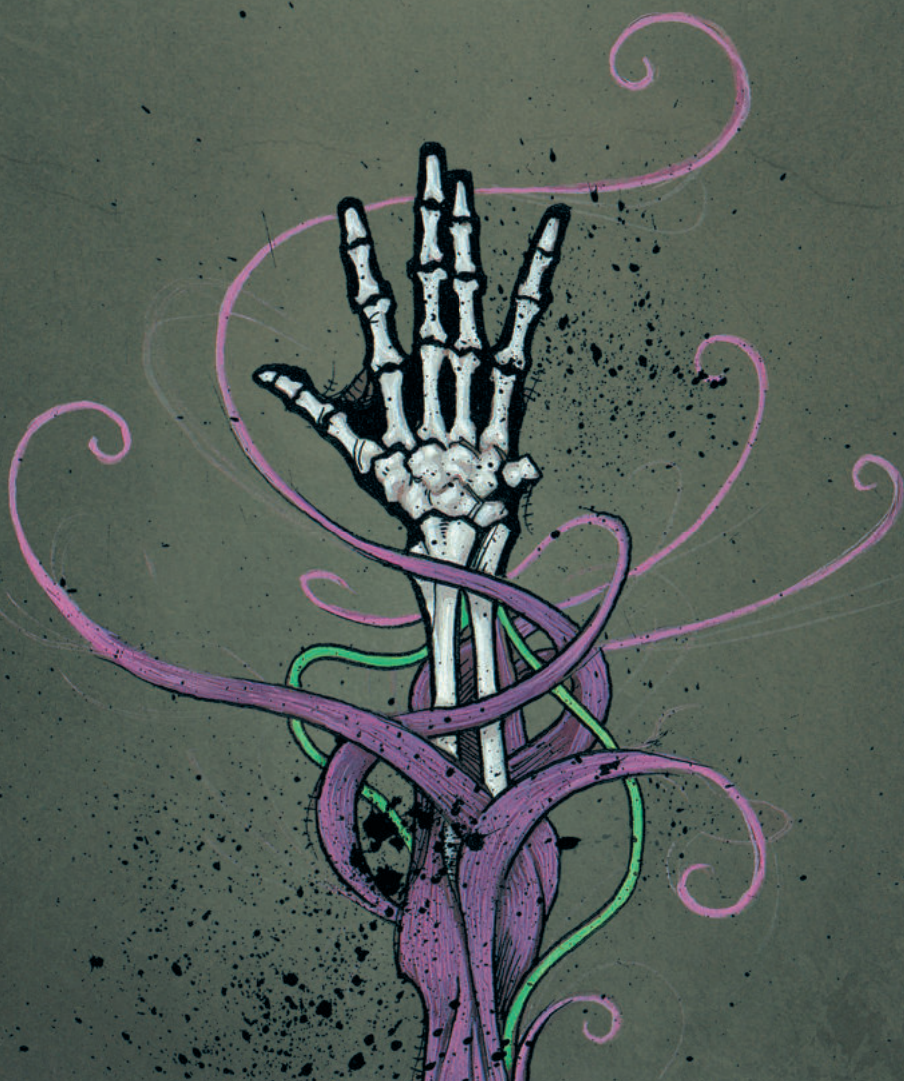
Здесь, во «Франкенштейне», Грис с первой страницы берет вас за руку и уводит в глубь романа, лукаво подмигивая и словно приговаривая: «Пойдем! Не бойся! Тебе понравится». Как и все великие иллюстраторы, Грис Гримли знает, какая ответственность на нем лежит. Он стоит у ворот и держит в руках ключ к сердцу истории; он готов помочь каждому читателю в поисках сокровища, которое скрыто внутри.

**BERNIE
WRIGHTSON**

Ноябрь 2012

ЧАСТЬ

I

В Англию, м-с Сэвилл,
Санкт-Петербург, 11 дек.

Ты порадуешься, когда услышишь, что предприятие, вызвавшее у тебя столь мрачные предчувствия, началось вполне благоприятно. Я прибыл сюда вчера и спешу прежде всего заверить мою милую сестру, что у меня все благополучно и что я все более убеждаюсь в счастливом исходе моего дела.

Я нахожусь уже далеко к северу от Лондона; прохаживаясь по улицам Петербурга, я ощущаю на лице холодный северный ветер, который меня бодрит и радует. Поймешь ли ты это чувство? Ветер, доносящийся из краёв, куда я стремлюсь, уже даёт мне предвкушать их ледяной простор. Под этим ветром из обетованной земли мечты мои становятся живее и пламенней. тщетно стараюсь я убедить себя, что полюс — это обитель холода и смерти; он предстаёт моему воображению как царство красоты и радости: Там, Маргарет, солнце никогда не заходит; его диск, едва подымаясь над горизонтом, излучает вечное сияние. Чего только нельзя ждать от страны вечного света! Там я смогу открыть секрет дивной силы, влекущей к себе магнитную стрелку; а также проверить множество астрономических наблюдений; одного такого путешествия довольно, чтобы их кажущиеся противоречия раз и навсегда получили разумное объяснение. Я смогу насытить свое жадное любопытство зрителем еще никому не ведомых краев и пройти по земле, где еще не ступала нога человека. Вот что влечет меня — побеждая страх перед опасностью и смертью и наполняя меня перед началом трудного пути.

Эти размышления развеяли тревогу, с какой я начал писать тебе, и наполнили меня возвышающим душу восторгом, ибо ничто так не успокаивает дух, как обретение твердой цели — точки, на которую устремляется наш внутренний взор. Эта экспедиция была мечтой моей юности. Ты, вероятно, помнишь, что истории путешествий и открытий составляли всю библиотеку нашего доброго дядюшки Томаса. Образование моим никто не занимался; но я рано пристрастился к чтению. Эти тома я изучал днем и ночью.

Моя жизнь могла бы пройти в довольстве и роскоши; но всем соблазнам богатства я предпочел славу. Мужество и решение мои непоколебимы; но надежда и бодрость временами мне изменяют. Я отправляюсь в долгий и трудный путь, где потребуются вся моя стойкость. Мне надо будет не только поддерживать бодрость в других, но иногда и в себе, когда все остальные падут духом.

Я отправлюсь через две-три недели и там думаю нанять корабль, а это легко сделать, уплатив за владельца страховую сумму; хочу также набрать нужное мне число матросов из тех, кто знаком с китоловным промыслом. Я думаю пуститься в плавание не раньше июня, а когда возвращусь? Ах, милая сестра, что могу я ответить на это? В случае удачи мы не увидимся много месяцев, а может, и лет.

В случае неудачи ты увидишь меня скоро — или не увидишь никогда.

Прощай, моя милая, добрая Маргарет. Пусть Бог благословит тебя и сохранит мне жизнь, чтобы я мог еще не раз отблагодарить тебя за твою любовь и заботу.

Любящий тебя брат,

R. Walton

23

СЕВЕРНАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ

В Англию, м-с Сэвилл,
Архангельск, 28 марта

Как долго тянется время для того, кто скован морозом и льдом! Однако я сделал еще один шаг к моей цели. Я нанял корабль и набираю матросов; те, кого я уже нанял, кажутся мне людьми надежными и, несомненно, отважными.

Мне не хватает лишь одного — не хватало всегда, но сейчас я ощущаю отсутствие этого как большое зло. У меня нет друга, Маргарет; никого, кто мог бы разделить со мною радость, если мне суждено счастье успеха; никого, кто поддержал бы меня, если я паду духом. Правда, я буду поверять свои мысли

бумаге; но она мало пригодна для передачи чувств. Возле меня нет никого с душою чуткой и вместе с тем бесстрашной,

с умом, развитым и восприимчивым; нет друга, который разделял бы мои стремления, мог одобрить мои планы или внести

в них поправки. Сейчас мне двадцать восемь, а ведь я невежественнее многих пятнадцатилетних школьников. Правда, я больше их размышлял и о большем мечтаю; но этим мечтам недостает того, что художники называют «соотношением», и мне очень нужен друг, достаточно разумный, чтобы не презирать меня как пустого мечтателя, и достаточно любящий, чтобы мною руководить.

Впрочем, все эти жалобы бесполезны; какого друга могу я обрести на океанских просторах или даже здесь, в Архангельске, среди купцов и моряков? Правда, и им, при всей их внешней грубости, не чужды благородные чувства. Мой помощник, например, человек на редкость отважный и предприимчивый; он страстно жаждет славы или, вернее сказать, преуспевания на своем поприще. Он родом англичанин и при всех предрассудках своей нации:

и своего ремесла, не сизигенных просвещением, сохранил немало лучших человеческих качеств.

Капитан также отличный человек, выделяющийся среди всех мягкостью и кротостью в обращении. Он так добросердечен, что никогда не охотится, решительно пренебрегая главным и чуть ли не единственным местным развлечением. Капитану претит кровопролитие. Кроме того, он удивительно великодушен.

Несколько лет назад он полюбил русскую девушку из небогатой семьи. Когда он скопил изрядную сумму наградных денег, отец девушки согласился на их брак. Перед свадьбой он встретился со своей невестой, но она упала к его ногам, заливаясь слезами и прося пощадить ее: она призналась, что полюбила другого, а этот другой так беден, что отец ее никогда не даст согласия на брак. Мой великодушный друг успокоил ее и, справившись об имени ее возлюбленного, отступился от своих прав.

Но если я порой талуюсь и мечтаю о дружеской поддержке, которая мне, быть может, не суждена, не думай, что я колеблюсь в своем решении. Оно неизменно, как сама судьба; и плавание мое отложено лишь потому, что к этому нас вынуждает погода. Зима была на редкость суровой; но весна обещает быть дружной и очень ранней.

Не могу описать тебе моих чувств при мысли о скором отплытии. Невозможно выразить трепетное чувство, радостное и вместе тревожное, с каким я готовлюсь в путь. Я отправляюсь в неведомые земли, в «края туманов и снегов», но я не намерен удивлять альбатроса, поэтому не бойся за меня.

Вернусь, однако, к вещам, более близким сердцу. Пиши мне при каждой возможности; быть может, письма твои дойдут до меня, когда будут всего нужнее, и поддержат во мне мужество. Люблю тебя нежно. Помни обо мне с любовью, если больше обо мне не услышишь.

Любящий тебя, брат,

R. Walton